

★ **ОБОЛГАННЫЕ ПОБЕДЫ СТАЛИНА** ★

АЛЕКСЕЙ ИСАЕВ

ВТОРЖЕНИЕ

22 ИЮНЯ 1941 ГОДА

**ЯУЗА-ПРЕСС
МОСКВА
2016**

УДК 355/359
ББК 68
И85

Исаев, Алексей Валерьевич.

И85 Вторжение. 22 июня 1941 года / Алексей Исаев. — Москва : Яуза-пресс, 2016. — 464 с. : ил. — (Оболганные победы Сталина).

ISBN 978-5-9955-0911-0

«Когда начнется «Барбаросса», мир затаит дыхание и потеряет дар речи!» — так говорил Гитлер. А после разгрома Франции фюрер заявил: «Поверьте мне, в сравнении с этим кампания против России будет детской игрой». Однако первый же день войны против СССР показал, как он ошибался, — уже 22 июня 1941 года гитлеровцам пришлось признать: «Противник упорно и храбро сражается до последнего. О переребечиках и сдавшихся в плен не сообщается. Бои гораздо серьезнее, чем во время Польской и Западной кампании...»

В этой книге ведущий военный историк не только восстанавливает ход Вторжения на всех фронтах, от Прибалтики до Черного моря, но и опровергает многочисленные мифы о первом дне Великой Отечественной.

«Что же позволяет взглянуть на 22 июня другими глазами? Прежде всего это работа с документами противника, сопоставление которых с отечественными данными дало немало пищи для размышлений. Выяснилось, что уже в первый день войны немецкое командование вынуждено было серьезно скорректировать первоначальный план действий своих войск на Украине под влиянием упорного сопротивления Красной Армии. Это глубочайшее заблуждение, что 22 июня 1941 года разворачивалось как по нотам для сил вторжения...» *(Алексей Исаев)*

УДК 355/359
ББК 68

© Исаев А. В., 2016
© ООО Издательство «Яуза-пресс»,
2016

ISBN 978-5-9955-0911-0

ПРЕДИСЛОВИЕ

Прошлое уже нельзя изменить. Исторические события таковы, как они произошли 10, 50 или 100 лет назад. Однако далеко не всегда остается статичным наше знание о них. Обнаружение новых документов, сопоставление данных из разных источников позволяет по-новому взглянуть на, казалось бы, хорошо изученные моменты истории отечества.

За несколько лет, прошедших с момента издания книги «22 июня. Черный день календаря», написанной в соавторстве с Артемом Драбкиным, объем знаний о первом дне войны значительно вырос. Это заставило задуматься о написании новой книги, не просто очерка основных событий первого дня войны вкупе с объяснением причин происшедшего, но выстраивания детальной, подробной картины боевых действий 22 июня 1941 г. на всем пространстве от Балтики до Черного моря. Кто сражался, кто отступил, кто был героем, а кто антигероем первого дня войны. Что вообще происходило на всем гигантском извилистом фронте от Паланги до Перемышля? В конце концов, спустя 75 лет мы имеем право знать, что происходило в приграничной полосе в то роковое для всей страны воскресенье. Поэтому в этой книге я не углубляюсь в вопросы военного строительства и планирования сторон, сосредотачиваясь на собственно боевых действиях первого дня войны. Позволю себе лишь напомнить некоторые существенные

и важные для событий именно 22 июня 1941 г. детали. Относительно общего состояния Красной Армии и вермахта многое уже было сказано на страницах моих предыдущих работ.

Много лет мне не давала покоя простая мысль о том, что ушедшие из казарм или летних лагерей на войну солдаты и командиры Красной Армии еще не знали о грядущей катастрофе. Они строились в маршевые колонны или занимали места на позициях, будучи овеянными кинофильмами, книгами и песнями о том, что «Всколыхнется страна, велика и сильна, и врага разобьем мы жестоко...». Те, кто шли в бой, еще не знали о быстрой потере Минска, трагедии Киева, о череде окружений и отступлений первых месяцев войны. Они были уверены в себе и во вверенной им технике (при всех оговорках относительно реального ее, техники, состояния).

Мы сейчас, спустя много десятилетий, знаем, что обстановка утром 22 июня давала бойцам и командирам приграничных частей мало шансов даже на простое выживание в пламени первых боев. Они всего этого еще не знали. Причем подъем с кровати под огнем был скорее исключением из правил. У большинства была возможность подняться по тревоге и привести себя в порядок, располагая минутами, если не часами, до встречи с противником. Томительное ожидание на позициях, лихорадочное «вгрызание» в землю в последние мирные часы или марш под палящим солнцем — у всех был свой путь на войну. По существу схватка между силами вторжения и войсками армий прикрытия распалась на множество боев, атак и контратак на всем протяжении границы. В этих боях немецкие и советские части вели каждая свою войну. Немалое число солдат вообще шли в бой первый раз в жизни (причем не только со стороны Красной Армии).

Впереди у людей в униформе мирного времени, еще не переживших ад позиционных боев или скитаний по лесам после окружения, был целый день. Причем не просто

целый день, а самый длинный день в году, начавшийся с первыми лучами солнца и закончившийся в кромешной тьме июньской ночи. За время этого дня многое могло измениться, и фортуна могла успеть отвернуться от одних и повернуться к другим. Это глубочайшее заблуждение, что 22 июня 1941 г. разворачивалось как по нотам для сил вторжения. «Туман войны» густо окутывал поле сражения, и решение задач со многими неизвестными в подготовительный период далеко не всегда оказывалось правильным и адекватным реальной обстановке.

Что же позволяет взглянуть на 22 июня другими глазами? Прежде всего, это работа с документами противника, сопоставление которых с отечественными данными дало немало пищи для размышлений. Выяснилось, что уже в первый день войны немецкое командование вынуждено было серьезно скорректировать первоначальный план действий своих войск на Украине под влиянием упорного сопротивления Красной Армии. Под Брестом в Белоруссии имело место серьезное отставание наступления 2-й танковой группы от запланированного графика. В Прибалтике, на территории самого слабого округа, имелись отдельные узлы ожесточенного сопротивления, заставлявшие если не радикально переписывать планы, то менять задачи отдельных соединений.

Одним словом, 22 июня 1941 г. вовсе не было однозначно успешным для всех соединений вермахта и однозначно неуспешным для всех оказавшихся на их пути советских частей и подразделений. Не все, и, можно даже сказать, далеко не все, войска в приграничных округах СССР оказались застигнуты врасплох. Против Красной Армии работали мощные внешние факторы, перевешивавшие внезапность начала войны. В целом первый день боевых действий стал завязкой упорной борьбы на советско-германском фронте.

Также необходимо подчеркнуть, что написание истории страны — это всегда коллективный труд, его формирует научное сообщество. Взаимодействие и научная дискуссия

позволяют выстраивать сбалансированную картину происходившего. В последние годы огромный вклад в изучение событий 1941 г. сделан такими исследователями, как М.Э. Морозов (в отношении действий советского ВМФ и морской авиации), Р. Алиев (Брестская крепость), М. Тимин (в отношении подготовки и действий ВВС Красной Армии) и С.Б. Булдыгин (Прибалтийский округ). Их работы, некоторые моменты которых можно смело называть открытиями, безусловно, требуют учета и внимания в описании начала войны.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КОГДА МИР ЗАТАИТ ДЫХАНИЕ

Когда начнется «Барбаросса», мир
затаит дыхание и потеряет дар речи!

Адольф Гитлер

В целом мире нигде нету силы такой,
Чтобы нашу страну сокрушила.

*Песня из кинофильма
«Если завтра война»*

В 1938 г., когда на экраны Советского Союза вышел фильм «Если завтра война», мало кто мог предсказать разрушительную мощь новых средств борьбы, со всей ужасающей очевидностью продемонстрированную в 1940 г. Прецедент силы, способной сокрушить русскую государственность, уже имелся в прошлом — монголы. Монголы нового времени, уже не на лошадях, а на танках, тягачах и автомобилях, пришедшие не с востока, а с запада, грозили смертью и опустошением. Тем более наша страна не считалась еще сильным противником. Вскоре после окончания кампании на Западе в 1940 г. упоенный успехом Гитлер сказал начальнику штаба верховного командования вооруженных сил Германии: «Мы сейчас показали, на что мы способны. Поверьте мне, Кейтель, кампания против России будет детской игрой в сравнении с этим». В рейтинге армий мира Красная Армия на тот момент, безусловно, стояла ниже французской и считалась относительно слабым противником.

Цели и задачи войны против СССР были сформулированы Гитлером 31 июля 1940 г. на совещании в Бергхофе: «Мы не будем нападать на Англию, а разобьем те иллюзии, которые дают Англии волю к сопротивлению. Тогда можно надеяться на изменение ее позиции. [...] Подводная и воздушная война может решить исход войны, но это продлится год-два. Надежда Англии — Россия и Америка. Если рухнут

надежды на Россию, Америка также отпадет от Англии, так как разгром России будет иметь следствием невероятное усиление Японии в Восточной Азии». Таким образом, германское руководство искало в сокрушении СССР выход из стратегического тупика. Германия не имела возможности решить судьбу войны вторжением на британские острова. Непрямое воздействие виделось Гитлеру в уничтожении надежд Англии на победу над Германией даже в дальней перспективе. Одновременно сокрушение последнего потенциального противника на континенте позволяло немцам перенацелить военную промышленность на производство вооружений для морского флота и авиации.

Те же слова были повторены фюрером на совещании в штабе оперативного руководства вермахта 9 января 1941 г. Он сказал следующее: «Англичан поддерживает только возможность русского вступления в войну. Будь эта надежда разрушена, они бы прекратили войну. Он [Гитлер] не верит в то, что англичане «совершенно спятили с ума»; если бы они не видели больше никакой возможности выиграть войну, они бы ее прекратили. Ведь если они ее проиграют, им уже больше никогда не иметь моральной силы удержать свою империю от распада. Но если они продолжатся, если они сумеют сформировать 40—50 дивизий и им помогут США и Россия, для Германии возникнет очень тяжелая ситуация. Это произойти не должно. До сих пор он [фюрер] действовал по принципу: чтобы сделать шаг дальше, надо сначала разбить вражеские позиции. Вот почему надо разбить Россию. Тогда англичане либо сдадутся, либо Германия продолжит войну против Великобритании в благоприятных условиях. Разгром России позволил бы японцам всеми своими силами повернуть на США, а это удержало бы США от вступления в войну. Разгром Советского Союза означал бы для Германии большое облегчение [в войне против Англии]. Тогда на Востоке можно было бы оставить всего 40—50 дивизий, сухопутные силы можно было бы сократить, а всю военную промышленность использовать для нужд люфтваффе и военно-морско-

С.К. Тимошенко осматривает 45-мм противотанковую пушку на предвоенных учениях.
Стоят Г.К. Жуков и К.Е. Ворошилов.

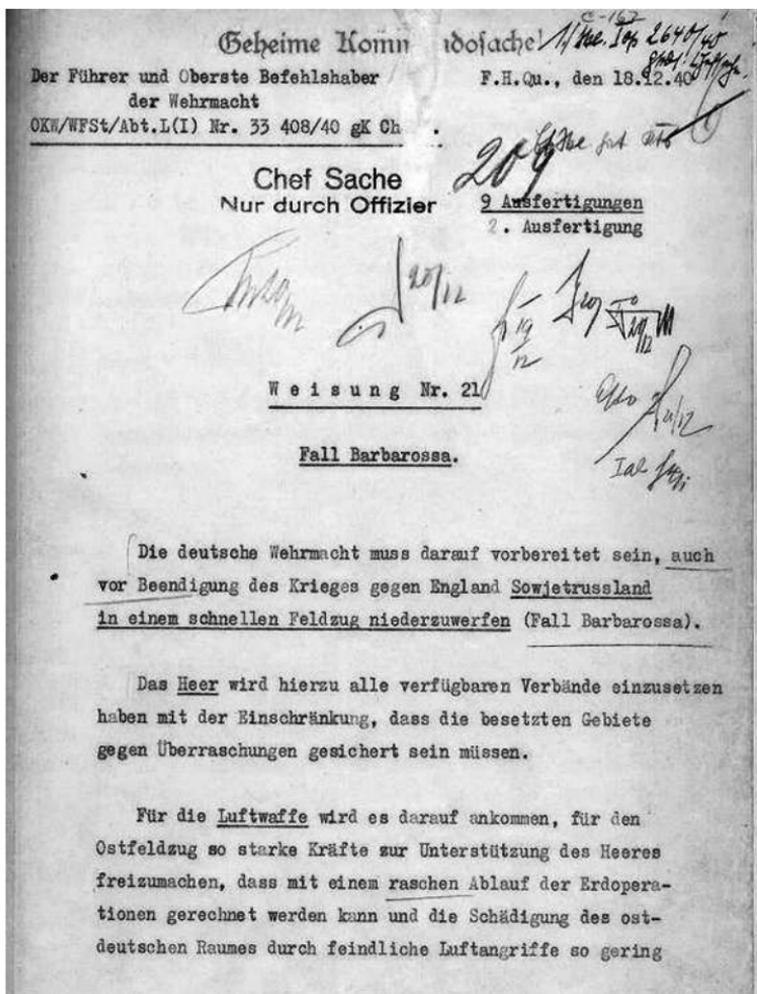
го флота»¹. Примерно в том же духе Гитлер высказался в разговоре с командующим группой армий «Центр» фон Бокком 2 февраля 1941 г. Последний записал слова фюрера в своем дневнике в следующей формулировке: «Стоящие у власти в Англии джентльмены далеко не глупы и не могут не понимать, что попытка затянуть войну потеряет для них всякий смысл, как только Россия будет повержена». То есть перед нами не вырванное из контекста высказывание, а осмысленная идея, постоянно озвучивавшаяся на совещаниях руководства.

Изначально сделанная ставка на силовое решение проблемы и переоценка своих возможностей привели к введению в заблуждение советского руководства относительно реальных планов Германии. Не было прощупывания на дипломатическом уровне возможности получения от СССР тех или иных материальных благ или территорий. Не было прямых обвинений (например, в сотрудничестве с Англией, с которой Германия находится в состоянии войны). Нападение Германии на СССР в 1941 г. было особым случаем в истории войн.

После принятия политическим руководством Третьего рейха летом 1940 г. политического решения о нападении на СССР военное руководство немецких вооруженных сил начало вести работу по разработке военных планов разгрома советских вооруженных сил. Наконец, 21 декабря 1940 г. окончательный вариант плана был утвержден фюрером. Он остался в истории как Директива № 21. Гитлер дал ей название «Барбаросса». Общий замысел операции был сформулирован так: «Основные силы русских сухопутных войск, находящиеся в западной России, должны быть уничтожены в смелых операциях посредством глубокого, быстрого выдвижения танковых клиньев. Отступление боевых способных войск противника на широкие просторы русской территории должно быть предотвращено»².

¹ Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне «Третьего рейха» против СССР. Смоленск: Русич, 2000. С. 125.

² 1941 г. Документы. С. 452.

Первая страница Директивы № 21 «Барбаросса». Факсимиле документа.

Направлением главного удара было выбрано московское направление. В Директиве № 21 было сказано:

«Театр военных действий разделяется Припятскими болотами на северную и южную части. Направление главного удара должно быть подготовлено севернее Припятских болот. Здесь следует сосредоточить две группы армий.

Южная из этих групп, являющаяся центром общего фронта, имеет задачу наступать особо сильными танковыми и моторизованными соединениями из района Варшавы и севернее ее и раздробить силы противника в Белоруссии».

Таким образом, германские войска, предназначенные для ведения войны с СССР, были разделены на три группы армий: «Север», «Центр» и «Юг».

«Охотничьи соколы». Главным инструментом, предназначенным для достижения целей, поставленных планом «Барбаросса», должны были стать танковые группы. На тот момент они, безусловно, были вершиной развития организации танковых войск не только в Германии, но и во всем мире. Танки стали одним из главных действующих лиц на поле боя Второй мировой войны. Однако характер их использования по сравнению с 1916—1918 гг. существенно изменился. Характерные для того периода атаки танков совместно с пехотой остались, но они были лишь одним из способов применения бронетехники. Большим шагом вперед стало создание самостоятельных механизированных соединений — танковых и моторизованных дивизий. Немцы длительное время опережали своих противников в создании и применении этого средства борьбы. Согласно «Директивам по вождению танковой дивизии» 1940 г., указывалось: «Бронетанковая дивизия действует, как правило, в составе бронетанкового корпуса». Немецкий танковый, точнее моторизованный, корпус образца июня 1941 г. состоял из одной-двух танковых и двух или одной моторизованной дивизий. Иногда ему придавались пехотные дивизии. Танковые группы в том виде, в котором они существовали к началу войны с СССР, являлись промежуточной инстанцией между моторизованным корпусом и армией. В танковую группу входило два-три моторизованных корпуса, иногда ей придавались пехотные армейские корпуса. Промежуточное положение между корпусом и армией позволяло подчинять танковые группы полевым армиям, хотя танковые командиры относились к этому без восторга. Часто группы армий брали управление танковой группой на себя.

При численности танковой группы от 130 до 200 тыс. человек и полной механизации и моторизации ее основных соединений она могла использоваться для прорывов на большую глубину. Такая масса людей и техники обладала достаточной самостоятельностью для действий в отрыве от основных сил группы армий. Бывший командующий 1-й танковой группой Эвальд фон Клейст, уже в советском плену, охарактеризовал свойства этого объединения любопытным и даже где-то поэтическим сравнением: «Танковую группу как средство оперативного управления армейской группировкой можно сравнить с охотничьим соколом, который парит над всем оперативным районом армейской группировки¹, наблюдает за участком боя всех армий и стремительно бросается туда, где уже одно его появление решает исход боя»².

Первой танковой группой стала ТГр Клейста в мае 1940 г. во Франции. Наступление танковой группы Клейста во Франции привело к отсечению и оттеснению к морю группировки англо-франко-бельгийских войск численностью почти 1 млн человек. К началу войны с СССР в вермахте было четыре танковых группы. Соответственно 1-я танковая группа Э. фон Клейста подчинялась ГА «Юг», 2-я и 3-я танковые группы (под командованием Г. Гудериана и Г. Гота) — ГА «Центр» и 4-я танковая группа Э. Гепнера — ГА «Север».

Одним из краеугольных камней германского военного планирования была концепция выбора и точного определения так называемых «панцерштрассе» (Panzerschtrasse — букв. «танковая дорога»). Иногда в документах ее также называли Rollbahn (автогужевое шоссе, рулежная дорожка в авиации). В «Директивах по вождению танковой дивизии» 1940 г. указывалось: «Предельное использование скорости дивизии обеспечивается предоставлением ей хороших до-

¹ Вероятно, неудачный перевод, скорее всего имеется в виду «группа армий». — *Прим. автора.*

² Генералы и офицеры вермахта рассказывают... Документы из следственных дел немецких военнопленных. 1944—1951. М.: МФД, 2009. С. 63.